

0+

ЕКАТЕРИНА РЫЖКОВА

Сказки месяца

Екатерина Рыжкова

Сказки месяца

«Издательские решения»

Рыжкова Е.

Сказки месяца / Е. Рыжкова — «Издательские решения»,

«Он не верил в чудеса, пока одно чудо не схватило его за рукав и потащило вверх по лестнице из лунного света. Теперь у него есть выбор: отпустить и упасть обратно в скуку или шагнуть туда, где воздух звенит. И он шагает»

© Рыжкова Е.

© Издательские решения

Сказки месяца

Екатерина Рыжкова

© Екатерина Рыжкова, 2026

ISBN 978-5-0070-6780-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка «Упрямый карандаш»

Жил-был на письменном столе карандаш. Не какой-нибудь обычный, а с характером: если ему казалось, что линия получается скучной, он нарочно делал её кривой. Если просили нарисовать ровный домик — он тут же добавлял к нему крышу-волну, будто дом

танцует. Хозяйка тетрадки, девочка Маша, вздыхала:

— Ну почему ты такой упрямый? Мне нужен аккуратный рисунок!

А карандаш тихо шептал грифелем:

— Аккуратный — не значит живой.

Однажды учительница задала нарисовать «Мой самый счастливый день». Маша старательно выводила линии: ровный двор, прямые качели, квадратную песочницу. Но чем ровнее всё становилось, тем грустнее ей делалось. Будто это не её двор, а картинка из чужого альбома. Карандаш почувствовал это. И вдруг, будто сам собой, его грифель дрогнул и пошёл не по линейке, а по памяти: закрутил качели в весёлую дугу, сделал песочницу чуть кособокой — как та, в которую Маша каждый день лепила куличики, нарисовал солнце не кружочком, а будто оно подмигивает. Маша хотела стереть, но остановилась. Присмотрелась. И вдруг улыбнулась:

— Это же мой двор! Настоящий!

С тех пор Маша перестала требовать от карандаша идеальной прямоты. А карандаш перестал упрямиться назло. Он понял: упрямство хорошо, когда оно про «я вижу по-своему», а не про «я назло». Теперь они договаривались: сначала Маша намечала главное, а карандаш добавлял то, что делает рисунок настоящим — маленькие вихри, косые линии, следы спешки и радости. И учительница, увидев рисунок, не сказала «неровно». Она сказала:

— В этом рисунке есть жизнь. Видно, что ты его чувствовала.

История «Упрямый карандаш на новый лад»

В одном цифровом городе, где все рисовали на планшетах, жил-был карандаш-стилус. Он был не из тех, кто идеально повторяет движение пальца: стоило провести прямую линию, как он чуть вилял, будто ему хотелось добавить к ней хвостик. Его хозяйка, девочка Кира, иногда сердилась:

— Да что ж ты делаешь! Мне нужен ровный контур для анимации!

А стилус будто отвечал вибрацией: «Ровный — это база. А хвостик — это стиль».

Кира училась делать мультфильмы. Ей казалось, что всё должно быть по сетке, по точкам, по правилам. Но однажды она застряла: её персонаж стоял как приклеенный. У него были идеальные пропорции, ровные линии, а двигаться он не хотел. Будто не было в нём ни характера, ни желания куда-то идти. Тогда Кира закрыла глаза на секунду (ровно столько, чтобы поймать образ, но не дать мыслям разбежаться), и сказала стилусу:

— Ладно. Давай ты сейчас просто поведёшь. А я посмотрю, что получится.

Стилуc будто обрадовался. Линия пошла не строго по оси, а чуть качнулась, как будто персонаж только что зевнул. Потом ещё одна — будто он почесал затылок. И вдруг этот неловкий, живой жест всё изменил. Персонаж ожил. Он стал не идеальным, а настоящим: чуть сутулым, немного сонным, очень своим. Кира засмеялась, открыла глаза и поняла: иногда правила нужны, чтобы знать, откуда можно отойти. А упрямство инструмента — это просто его способ сказать: «Тут можно добавить жизни».

С тех пор Кира сначала строила сетку и пропорции, а потом давала стилусу немного свободы — чтобы линии дышали. Её мультфильмы стали узнавать по этому почерку: ровные основы и живые штрихи, будто кто-то нарисовал их в спешке, когда очень хотелось скорее показать историю.

И на фестивале анимации один большой художник сказал Кире:

— У тебя есть стиль. Видно, что ты не боишься дать линии быть чуть неровной, если так честнее.

А Кира посмотрела на свой стилус и тихо сказала:

— Это мы вдвоём. Я — про смысл. А он — про характер.

«Думающий дятел»

В одном лесу все дятлы были как на подбор: быстрые, звонкие, стучат по дереву — тук-тук-тук — и сразу находят жучка. А среди них жил дятел по имени Динь, который всё время сначала думал.

— Эй, Динь! Чего застыл? — кричали другие дятлы. — Пока ты думаешь, все жучки разбегутся!

А Динь отвечал:

— Если стучать не глядя, можно попасть не туда. Надо сначала понять, где жучок прячется.

Остальные только крыльями махали:

— Ты слишком много думаешь! В нашем деле главное — скорость!

Так и вышло, что в лесу будто два мира столкнулись: мир «сразу действуй» и мир «сначала пойми». Одни летели вперёд, как стрелы, другие (а точнее, один Динь) замирали, чтобы услышать тишину дерева.

Однажды случилась беда: в лесу появился странный жук. Он не шуршал, не скребся, сидел тихо-тихо, будто сам стал частью коры. Быстрые дятлы обстучали пол-леса, устали, вспотели, а жука так и не нашли.

— Он где-то есть! — волновались они. — Но мы его не слышим!

Тогда Динь сказал:

— Давайте я попробую по-своему.

Он сел на старое дерево, закрыл глаза ровно на столько, чтобы поймать звук, но не дать мыслям разбежаться, и стал слушать. Не стук, не шорох, а самую тонкую разницу: где кора чуть плотнее, где чуть мягче, где дерево будто вздыхает. И вдруг он понял: жук сидел там, где звук отстукивался не внутрь, а как будто в сторону, словно отскакивал.

Динь постучал один раз — не сильно, а проверяя, как отзывается дерево. И услышал: «тук» ушёл вглубь. Постучал в другом месте — и звук будто скользнул по поверхности. Вот оно! Там, где звук скользит, прячется жук. Он показал остальным, и вместе они аккуратно сняли кусочек коры — и правда: жук! Тихий, хитрый, но теперь пойманный.

С тех пор в лесу перестали спорить, кто лучше: быстрые или думающие. Оказалось, что сила — в паре противоположностей. Быстрые дятлы теперь находили места, где точно что-то шевелится, а Динь помогал там, где всё было тихо и непонятно. Если дерево молчало, звали Динь. Если жучки бегали и шумели — летели быстрые.

И лес стал спокойнее, потому что каждый делал то, что у него получалось лучше всего, и не стыдился своей стороны: кто-то — про скорость, кто-то — про внимание.

А Динь иногда садился на ветку, смотрел, как солнце раскрашивает лес в цвета недели (в четверг — в зелёный, спокойный, как дыхание), и думал: «Хорошо, когда в мире есть и те, кто летит, и те, кто слушает. Главное — чтобы они друг друга слышали».

И с тех пор, если кто-то в лесу говорил: «Надо подумать», ему больше не кричали: «Да беги уже!» А кивали и добавляли: «А потом мы побежим. Вместе».

«Воздушный змей»

Жил-был мальчик по имени Лёша. Больше всего на свете он любил смотреть на небо — особенно в четверг, когда оно становилось зелёно-голубым, будто весь мир набирался спокойствия и был готов к чему-то хорошему. Лёша мечтал запустить такой воздушный змей, который поднимется выше всех крыш, выше тополей, почти до самых облаков.

Но у него никак не получалось. То хвост оказывался слишком лёгким и змей крутился на месте, как щенок, пытающийся поймать свой хвост. То каркас ломался от первого же порыва ветра. Лёша вздыхал, сворачивал обрывки бумаги и говорил себе: «Ну ничего. В

следующий раз сделаю лучше».

Однажды к нему подошёл дедушка и сказал:

— Знаешь, Лёш, хороший змей — это не про то, чтобы всё было идеально. Это про то, чтобы слушать ветер. Он ведь не злой, он просто сильный. Надо не спорить с ним, а договориться.

Лёша задумался. Он вспомнил, как в играх нужно подбирать детали так, чтобы они работали вместе: не просто красиво, а правильно. И решил: на этот раз он будет строить змея не наспех, а как будто собирает целую систему. Вместе с дедушкой они нарезали лёгкие рейки, скрепили их нитками, проверили, крепко ли держится каркас — Лёша даже вытянул руку и слегка надавил. Потом натянули бумагу, раскрасили её в яркие цвета: жёлтый, как среда, когда всё кажется возможным, и синий, как суббота, когда хочется просто смотреть вдаль. А хвост сделали длинным и пёстрым — чтобы ветер мог за него «ухватиться» и помочь змею держаться в воздухе.

На следующее утро они вышли на поле. Ветер гулял по траве, шевелил листья и будто приглашал: «Ну давай, попробуй!» Лёша крепко держал катушку, дедушка стоял рядом и улыбался.

— Не тяни его вверх, — подсказал дедушка. — Пусть ветер сам его поднимет. Ты только помогай. Лёша кивнул и отпустил нить. Сначала змей дёрнулся, будто испугался высоты, и чуть не рухнул. Но Лёша не дёрнул катушку назад, не стал торопиться. Он дал нитке чуть больше свободы, и ветер подхватил змея, поднял его над травой, потом над кустами, потом над деревьями. Змей летел! Он покачивался, словно танцевал с закрытыми глазами, доверяя ветру, и его пёстрый хвост развевался, как флаг радости. Лёша смотрел на него и чувствовал, как внутри становится просторно и светло — будто и сам он чуть-чуть поднялся над землёй. Когда змей поднялся так высоко, что стал казаться яркой точкой в небе, дедушка положил руку Лёше на плечо и сказал:

— Видишь? Ты не победил ветер. Ты с ним подружился. А это куда важнее.

С того дня Лёша знал: чтобы что-то получилось, не всегда нужно быть самым сильным или самым быстрым. Иногда достаточно просто прислушаться, подобрать нужные детали, проверить, крепко ли всё держится, и дать чуду немного места — пусть оно само найдёт дорогу вверх.

А по четвергам, когда небо становилось зелёно-голубым и спокойным, Лёша снова приходил на поле, запускал своего змея и улыбался: ведь каждый раз это было новое приключение — и новый разговор с ветром.

«Слоник с кудрявым носиком»

В далёкой солнечной стране, где трава была такой зелёной, будто её каждый день раскрашивали кисточкой, жил слонёнок по имени Тук. Он был почти как все слонята: любил купаться, хрустеть сочными листьями и громко трубить по утрам, чтобы будить солнце. Почти — потому что у Тука был один секрет: его хобот закручивался в аккуратную кудряшку, как пружинка.

Другие слонята иногда посмеивались:

— Эй, Тук, ты что, свой хобот в узел завязал?

— Наверное, он хотел сделать причёску, а вышло вот так!

Тук опускал уши и тихо уходил в сторону. Ему казалось, что кудрявый носик — это ошибка, будто он собрал себя не по той схеме. Он даже пытался распрямлять хобот, прижимал его к земле, тянул вперёд — но пружинка всё равно возвращалась. «Ну вот, — вздыхал Тук, — я не как все».

Однажды в саванне случилась беда: пересох маленький родник, из которого пили все звери. Без воды трава начинала вянуть, а зверям становилось грустно и тяжело.

Старейшины собрались на совет и сказали: «Надо найти новый источник. Кто-то должен пробраться в узкую расщелину между камнями — туда, куда большой слон не пройдёт, а маленький и ловкий — сможет».

Все посмотрели на Тука. Он сжался:

«Я? Да я же ничего особенного не умею. У меня даже хобот кудрявый!»

Но мудрая черепаха подошла к нему и сказала спокойно:

— Иногда то, что кажется не таким, как надо, и есть самое нужное. Попробуй не прятать свою особенность, а использовать её. Тук глубоко вздохнул, будто собирал внутри себя всю смелость, и кивнул. Он подошёл к расщелине: она была узкой, тёмной, и из неё тянуло прохладой — а значит, вода где-то рядом. Тук пробрался внутрь, осторожно, шаг за шагом. Камни царапали бока, но он не останавливался. И тут он понял, в чём сила его кудрявого носика: эта пружинка могла тянуться и изгибаться так, как прямой хобот никогда бы не смог. Тук протянул хобот в самый дальний уголок, туда, где свет почти не проникал, и вдруг почувствовал: дрогнула тонкая струйка воды. Она была зажата между двумя камнями, как секрет, который никто не мог достать.

Тук подцепил камень своим завитком, чуть потянул — и вода хлынула вперёд, побежала по земле, собираясь в маленький, но живой ручеёк. Когда Тук выбрался наружу, все звери радостно закричали:

— Ты нашёл воду! Ты спас нас!

А слонята, которые раньше смеялись, теперь смотрели на него с уважением.

— А знаешь, — сказал один из них, — твоя кудряшка — это как волшебная пружина. Без неё бы ты не дотянулся.

Тук улыбнулся. Он больше не хотел распрямлять свой хобот. Теперь он знал: его особенность — не ошибка, а инструмент, как схема или чертёж, который помогает делать то, что другим не под силу.

С тех пор, когда кто-то в саванне говорил: «Ой, я какой-то не такой», Тук подходил, кивал и говорил:

— Это не про «не такой». Это про «для чего-то особенного». Может, именно твоя деталь — та самая, без которой ничего не сложится.

И звери кивали в ответ, потому что теперь они знали: мир становится интереснее, когда в нём есть место и прямым линиям, и весёлым завиткам. А Тук по-прежнему любил хрустеть листьями, купаться и трубить по утрам — только теперь он делал это с гордо закрученным носиком, который больше не прятал, а носил как знак того, что умеет доставать то, что спрятано глубоко.

«Команда акробатов»

Жил-был в одном шумном городе мальчик по имени Арс. Он очень любил придумывать разные штуки и всё время что-то собирал из деталей, писал на листочках непонятные другим значки и радовался, когда что-то начинало работать. Арс мечтал стать программистом — ему нравилось, что с помощью кода можно создавать целые миры.

А на окраине города стоял старый цирк. Там жила команда акробатов: лёгкая и быстрая Лия, сильный и надёжный Марк и ещё несколько ребят, которые умели делать такие трюки, что у зрителей дух захватывало. Только вот перед большим выступлением случилась беда: канат, по которому Лия должна была пройти, стал слишком шатким, а страховочная сетка будто бы растеряла всю свою упругость.

Арс услышал про эту беду и пришёл в цирк. «Я могу помочь!» — сказал он. И достал свой ноутбук. Он не собирался делать канат железным или сетку каменной — он хотел научить их «чувствовать». Арс написал программу, которая слушала, как дрожит канат, и тихонько шептала: «Осторожно, тут слишком сильно!» А для сетки он придумал хитрый алгоритм: она теперь не просто висела, а будто подгадывала момент и становилась чуть мягче именно тогда, когда кто-то падал.

На репетиции всё проверили. Лия шагнула на канат — и услышала тихий сигнал: «Чуть медленнее». Она послушалась, и шаг получился ровным. Марк прыгнул с высоты — и сетка мягко его подхватила, будто знала, что он тяжёлый и любит приземляться с размахом.

Но перед самым выступлением случилась новая беда: пропал сигнал! Провода где-то перетёрлись, лампочки погасли, и программа замолчала. Арс хотел всё чинить, суетился, щёлкал кнопками... А Лия подошла, положила руку ему на плечо и тихо сказала:

«Знаешь, мы ведь и без лампочек умеем. Мы чувствуем воздух. Доверься нам».

Арс вздохнул, закрыл ноутбук и улыбнулся. И акробаты вышли на арену. Без лишних сигналов, без мигающих лампочек. Они двигались так, будто знали друг о друге всё: кто куда шагнёт, кто кого подхватит, где надо чуть притормозить, а где — расправить руки и полететь. А Арс сидел в зале и думал: оказывается, самая лучшая программа — это когда ты помогаешь, но не мешаешь. Когда код не заменяет сердце, а просто даёт ему чуть больше уверенности.

Когда выступление закончилось, зрители хлопали так громко, что, казалось, даже стены цирка подпрыгивали от радости. А акробаты позвали Арса на сцену и сказали: «Ты теперь с нами. Ты — наш главный помощник!»

С тех пор команда акробатов выступала ещё много раз, и каждый раз рядом с ними был Арс: не чтобы всё контролировать, а чтобы в нужный момент тихо подсказать, если вдруг канат снова начнёт шептать о своей усталости. И все знали: пока они вместе, ни один трюк не станет падением — а будет просто ещё одним красивым движением на пути к успеху.

«Я и комната озорных пальчиков»

Однажды утром я проснулась и увидела на подушке маленькую записку, написанную будто крошечными ножками:

«Приходи в комнату озорных пальчиков. Будет интересно!»

Я улыбнулась — я ведь люблю, когда день начинается не по плану, а с загадки.

Я пошла по дому и вдруг заметила: дверная ручка тихонько подмигнула (ну, или мне так показалось), а половица у порога будто шепнула: «Осторожно, тут я люблю скрипеть!» Я прислушалась, вытянула руку — проверила, крепко ли стоит мир. Да, всё на месте. Значит, можно идти дальше.

В конце коридора была дверь, которой раньше будто и не было. На ней висела табличка с буквами, которые всё время чуть-чуть менялись местами, как будто им не сиделось спокойно. Я толкнула дверь — и очутилась в комнате, где воздух звенел от движения.

Там жили пальчики. Не мои, а свои собственные: быстрые, любопытные, вечно куда-то спешащие. Одни висели вниз головой на люстре, другие катались по подоконнику, как на горке, третьи пытались завязать узелок на солнечном луче.

— Привет! — крикнула я. — А что вы тут делаете?

Самый бойкий пальчик, рыжий и кудрявый, подскочил ко мне:

— Мы тут всё трогаем! Потому что если не потрогать, не поймёшь, какое оно на самом деле. Сначала надо увидеть, потом — почувствовать. Это наш закон!

Я рассмеялась. Это ведь было прямо как у меня.

Пальчики тут же потянули меня к полке, где стояли странные вещи: стеклянный шарик, который мурлыкал, если его покатать; книжка с пустыми страницами, но если провести по ним ладонью, на них проступали картинки; и коробочка с тишиной — она не издавала ни звука, зато когда её брали в руки, становилось слышно, как в доме дышит тепло. Мы принялись всё трогать, крутить, пробовать. Пальчики показывали: «Вот тут шершаво — значит, дерево старое и мудрое. А тут гладко — значит, кто-то очень старался и всё отполировал». Они не любили сидеть на месте: им нужно было двигаться, нажимать, проверять, как отзывается мир.

Но вдруг один пальчик — тихий, в синей полосочке — замер и сказал:

— А теперь... можно просто посидеть.

И все остальные тоже замерли. Мы сели на мягкий коврик, прислонились к тёплой стене, и я закрыла глаза ровно на столько, чтобы поймать тишину, но не дать мыслям разбежаться. И в этой тишине я услышала, как пальчики шепчут не словами, а касаниями:

будто каждый из них говорил: «Я тут. Мир тут. Всё крепко».

Потом рыжий пальчик снова подпрыгнул:

— Ну что, ещё немножко поисследуем?

И мы снова побежали: открыли шкапулку, где лежали звуки утра — лёгкий звон чашки, шорох страницы, первый птичий голос; покрутили волчок, который рисовал в воздухе невидимые узоры; и даже попробовали «поймать» солнечный зайчик — не чтобы удержать, а чтобы почувствовать, как он скользит по коже.

Когда я вышла из комнаты, солнце стояло уже высоко, и день казался полным до краёв. На прощание рыжий пальчик шепнул мне:

— Если станет скучно, приходи. Мы всегда тут. Будем трогать и узнавать.

С тех пор я знаю: мир — это не только то, что видишь. Это ещё и то, что чувствуешь пальцами, ладонями, всей кожей. И иногда самое важное открытие начинается с простого: потянуться, коснуться, проверить, крепко ли держится этот миг.

А комната озорных пальчиков осталась там, в конце коридора. Дверь в неё не всегда видна — она появляется, когда хочется исследовать, когда хочется, чтобы день был не как у всех, а свой, живой, с шуршанием, звоном и тёплыми узорами на ладонях.

«Пятнистый отряд»

В одном лесу, где тени ложились на траву пёстрыми лоскутками, жил пятнистый отряд — не солдаты и не разведчики, а самые обычные зверята, у которых на шкурках были пятнышки. У оленёнка Пятнашки — круглые, как монетки; у барсучонка Полосатика — вытянутые, будто кто-то провёл кисточкой; у зайчишки Пушка — мелкие, как брызги солнца.

Они не думали, что их пятнышки — это сила. Они просто дружили, бегали по тропинкам и считали, что главное в отряде — это чтобы все друг друга слышали. Но однажды в лесу стало тихо. Слишком тихо. Даже ветер будто замер, чтобы прислушаться.

— Что-то не так, — сказал Пятнашка и прижал уши.

— Да, — кивнул Полосатик. — Тишина бывает разной. Эта — как перед чем-то большим.

И правда: неподалёку заблудился маленький совёнок. Он выпал из гнезда во время ветра, а теперь сидел под кустом, дрожал и боялся пошевелиться — ему казалось, что весь лес огромный и чужой. А найти его было непросто: совёнок был серый, куст — серый, и в полумраке он сливался с тенью.

Тогда Пятнашка хлопнул копытцами (совсем чуть-чуть, чтобы не напугать совёнка) и сказал:

— Мы его найдём. Потому что у нас есть то, чего нет у тишины, — наши пятнышки!

Отряд выстроился так, как будто собирал схему: не в ряд, а по кругу, чтобы закрыть собой все направления. И каждый начал делать то, что умел лучше всего.

Пятнашка шёл вперёд и смотрел, где тень чуть-чуть дрожит — он знал, что живое всегда чуть-чуть шевелится, даже если старается не двигаться. Полосатик нырял в кусты, протискивался там, где крупному не пройти, и нюхал воздух: запахи не прячутся, они остаются дорожками. А Пушок прыгал с места на место, но не как попало, а по дугам, чтобы видеть землю под разными углами — так легче заметить то, что прячется.

И вот Пятнашка замер. Он увидел: там, где куст должен быть ровным, был крошечный выступ. Будто тень чуть-чуть «выпирала» из картины леса. Он не бросился туда, не закричал, а тихо подошёл и прошептал:

— Эй... ты тут? Не бойся. Мы не чужие.

Совёнок приоткрыл один глаз, потом второй, и вдруг понял: перед ним не страшные тени, а зверята с пятнышками, и в этих пятнах столько жизни, что даже темнота отступает.

— Я тут, — просипел совёнок. — Я упал.

Полосатик тут же принёс ему сухой листик, чтобы было мягче, а Пушок сел рядом и стал тихонько напевать что-то без слов — просто чтобы совёнок слышал, что он не один. А Пятнашка сказал:

— Теперь мы тебя отнесём туда, где тебя ждут. Но сначала надо сделать так, чтобы ты не боялся дороги.

И отряд снова выстроился, только теперь не для поиска, а для защиты. Они встали так, чтобы их пятнышки были как маячки: яркие, заметные, свои. Пятнашка впереди — чтобы видеть путь, Полосатик сбоку — чтобы замечать всё, что шевелится в кустах, Пушок сзади — чтобы никто не подкрался незаметно. А совёнок шёл между ними, и ему казалось, что он идёт по дорожке из света, хотя вокруг было уже почти темно.

Когда они добрались до дерева, мама-сова встретила их громким «Ух!», но это было не сердито, а счастливо. Она обняла совёнка крыльями и сказала:

— Спасибо вам, пятнистый отряд. Вы не просто нашли его. Вы вернули ему смелость.

С тех пор зверята не стеснялись своих пятнышек. Они поняли: пятнышки — это не просто узоры. Это как метки на карте: они показывают, кто ты и где твоё место. У Пятнашки пятнышки помогали видеть то, что прячется в тенях. У Полосатика полосы помогали пробираться там, где всё сливается. А у Пушка мелкие пятнышки делали его незаметным, когда нужно подкрасться тихо-тихо.

А если кто-то в лесу снова терялся или боялся, все знали: надо звать пятнистый отряд. Потому что вместе они видели больше, чем поодиночке, и даже самая густая тень не могла спрятать того, кого искали такие внимательные сердца.

И по вечерам, когда небо становилось фиолетовым, как воскресенье, зверята собирались на полянке, смотрели, как их пятнышки ловят последние лучи, и улыбались: мир большой, но когда рядом друзья, он становится не страшным, а интересным — как новая загадка, которую хочется разгадать вместе.

Сказка про хамелеона Нейрона.

В далекой солнечной стране, где деревья шепчутся с ветром, а цветы поют свои тихие песенки, жил-был хамелеон по имени Нейрон. Имя у него было необычное — такое, будто пришло из волшебной лаборатории, где придумывают самые удивительные вещи. Нейрон был не таким, как все хамелеоны. Да, он умел менять цвет — становился зелёным, как листок, коричневым как кора, жёлтым как солнечный зайчик.

Но больше всего на свете он любил... узнавать новое! Он задавал вопросы всем подряд: «А почему небо синее?», «А как растёт трава?», «А куда прячется солнце ночью?».

Однажды Нейрон сидел на ветке и смотрел, как муравей тащит огромную соломинку.

— Как ты это делаешь? — удивился Нейрон. — Ты ведь такой маленький, а она такая Большая!

Муравей улыбнулся (ну насколько муравьи вообще умеют улыбаться) и сказал:

— Я не один. Мне помогают друзья. Вместе мы можем всё! Нейрон задумался. Ему Захотелось тоже кому-нибудь помочь. Он спустился с дерева и отправился гулять по лесу. По пути он встретил грустную бабочку. Её крылышко порвалось, и она не могла летать.

— Что случилось? — спросил Нейрон.

— Я зацепилась за колючку — вздохнула бабочка — Теперь я не смогу танцевать над цветами. Нейрон тут же принялся думать. Он вспомнил как паук плетёт паутину — тонкую, но очень Прочную.

— Подожди немного! — воскликнул он. — Я знаю, кто может помочь!

Он побежал к пауку и рассказал про бабочку. Паук кивнул и протянул Нейрону крошечный клубочек волшебной паутины.

— Это как раз то, что нужно, — сказал он. — Она лёгкая и крепкая.

Вместе они аккуратно починили крылышко бабочки. И знаешь что? Оно стало даже красивее прежнего — с серебристыми узорами от паутины! Бабочка радостно закружилась в воздухе.

— Спасибо вам! — пропела она. — Вы настоящие волшебники!

Нейрон улыбнулся. Он понял, что узнавать новое — это здорово, но ещё лучше — Использовать свои знания, чтобы помогать другим. С тех пор Нейрон стал самым любознательным и добрым хамелеоном в лесу. Каждый день он открывал что-то новое и обязательно делился этим с друзьями. А если ты когда-нибудь встретишь хамелеона, который задаёт тысячу вопросов и всем помогает, знай — это наверное Нейрон!

«Цветные камушки»

Жила-была девочка по имени Мира. Она очень любила ходить по берегу реки и искать камушки. Не любые, а особенные: гладкие, будто отполированные самой водой, и обязательно цветные. Красный, как понедельник, когда всё начинается заново. Оранжевый, как вторник — будто в нём прячется солнечный смех. Жёлтый, как среда, — он напоминал ей про радость, которая приходит просто так, без повода. Однажды Мира нашла камушек, который не был

похож на остальные. Он переливался сразу всеми цветами: там и зелёный четверг, и голубой пятница, и даже синий суббота, будто в одном маленьком камушке спряталась целая неделя. Мира подняла его, подержала на ладони и почувствовала, как он чуть-чуть греет пальцы — не горячо, а так, будто шепчет: «Я тут. Я важный».

Она положила его в кармашек и пошла дальше. Но стоило ей отойти, как из воды выглянула маленькая речная фея — совсем крошечная, с крыльями, похожими на брызги.

— Ты забрала Радужный камушек, — тихо сказала фея. — Он не для коллекции. Он для дел.

Мира удивилась:

— А что с ним делать?

Фея улыбнулась:

— Он показывает, где прячется то, что нужно найти. Но только если ты смотришь не глазами, а сердцем. Попробуй. Мира вернулась к берегу и закрыла глаза ровно на столько, чтобы поймать тишину, но не дать мыслям разбежаться. Потом снова открыла и посмотрела на реку. И вдруг увидела: там, где вода текла спокойно, камушек в её кармане чуть дрогнул и засветился зелёным — будто подсказывал: «Смотри сюда». Мира подошла ближе и заметила: под водой, у самого берега, застрял маленький кораблик. Он был деревянный, с парусом из лоскутка, и явно хотел плыть, но зацепился за корягу. Мира протянула руку, проверила, крепко ли стоит камень под ногой, и аккуратно вытащила кораблик.

Камушек в кармане засветился жёлтым — будто радовался.

— Видишь, — прошептала фея, кружась рядом. — Он помогает замечать важное. Дальше Мира пошла по тропинке и вдруг почувствовала, что камушек стал чуть прохладнее и засветился голубым — как пятница, когда хочется просто посидеть и подумать. Мира остановилась и прислушалась. И услышала тихий плач.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.